

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Сборник продолжает серию коллективных работ по изучению истории социалистических учений. В нем анализируются актуальные теоретические аспекты изучения социалистической мысли и вклад советских исследователей в разработку этой тематики, столь важной в условиях современной идеологической борьбы. Среди материалов сборника также статьи о мыслителях, которые почти не изучались или изучались мало (Ч. Холл, Р. Саути и др.).

Редакционная коллегия:

Г. А. БАГАТУРИЯ, Л. И. ГОЛЬМАН,
А. А. ИСКЕНДЕРОВ (ответственный редактор),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, Г. С. КУЧЕРЕНКО,
В. Л. МАЛЬКОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. Э. Штекли	«Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма	3
И. Н. Шиканян	Корреспондентская работа Энгельса в «Норзерн стар»	19
К. М. Андерсон	Оуэнисты и радикалы	39
В. В. Согрин	Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США	62
Г. С. Кучеренко	Об изданиях трудов Сен-Симона	81
М. Н. Соколова	Рейбо — историк утопического социализма	97
И. Н. Осинковский	Томас Карлейль и утопический социализм (к постановке проблемы)	118
Э. И. Валлич	Проблема нищеты в английской публицистике конца XVIII в.	142
Т. А. Павлова	Джерард Уинстэнли о путях перехода к новому строю	167
Л. С. Чиколина	Кампанелла в публикациях XVII в.	187
О. Ф. Кудрявцев	Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV—XVII веков и утопии	220
Д. В. Панченко	Кампанелла и «Утопия» Томаса Мора	241
С. А. Гаврильченко	Новая литература о Томасе Мюнцере в ГДР (1970—1980 гг.)	252

ПУБЛИКАЦИИ

Теодор Дезами и проспект журнала «Коммюнотер». Пер. с фр. и вступ. ст. С. М. Назаровой.	265
Письмо Томаса Мора Джону Колету. Пер. с латин. и примеч. В. Ф. Балакина; вступ. ст. А. Э. Штекли	277

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США

История утопического социализма в США — одна из наименее изученных тем в советской американистике. Так, остается неисследованной проблема генезиса антибуржуазной идеологической традиции в США и собственно американских корней утопического социализма. «Отсчет» в развитии утопического социализма в США мы ведем от времени распространения там оуэнистских и фурьеристских доктрин, т. е. с 20–40-х годов XIX в. Но что предшествовало этому узловому моменту в становлении утопических социалистических идей в США?

В американской буржуазной историографии история утопического социализма рассматривается преимущественно как опыт социального экспериментаторства различного рода коммун, в которых так или иначе практиковался принцип общности имущества и совместной трудовой деятельности (при этом, как правило, не проводится различий между религиозными сектантскими общинами и собственно социалистическими утопическими поселениями¹). Гораздо меньше внимания уделяется идеям утопического социализма в США.

Необходимо отметить, что в классическом исследовании В. Л. Паррингтона по истории американской общественной мысли² идеи утопического социализма, в том числе и предшествующие им эгалитарные идеи, обойдены молчанием.

А ведь историк-прогрессист Паррингтон претендовал на выражение «антикапиталистической» позиции! Чего же в таком случае можно ожидать и требовать в плане изучения утопического социализма и эгалитарных идей от консервативных и либеральных историков? В подавляющем большинстве они следуют концепции представителя консервативной историографии Л. Харца, связывавшего зарождение социалистической мысли с антифеодальной борьбой и декларировавшего на этом «основании» бес-

плодность поиска антибуржуазных идеалов в американском прошлом³.

Если утопический социализм в США второй четверти XIX в. все же привлек внимание представителей буржуазной историографии, то эгалитарная мысль остается фактически вне поля ее зрения. Можно назвать только двух-трех современных представителей «прогрессистской» и «радикальной» школ, которые коснулись отдельных сторон формирования эгалитарной мысли в США. Однако эти историки не смогли правильно квалифицировать выявленные ими идеи, дать научное определение их исторического места. Так, М. Дженсен, обнаружив интереснейшие свидетельства эгалитарных начал массового сознания 70–80-х годов XVIII в.⁴, даже не задумался о их принадлежности к особому идеологическому явлению, выделяющемуся из буржуазно-демократической мысли. С. Липд, также привлекая ценные данные о становлении эгалитарной мысли в США, не смог правильно «распорядиться» ими: эгалитарные идеи «растворены» историком в «радикальной» идейной традиции (в довершение путаницы последняя становится в один ряд с марксовым учением)⁵.

В американской буржуазной историографии отсутствует понятие об эгалитаризме как особом направлении общественной мысли, отсюда ее неспособность не только к научному исследованию, но даже к сколько-нибудь полному выявлению этого важного идейного направления. Советской исторической науке свойствен диалектический подход к эгалитаризму: эгалитаризм в отличие от социализма «не поднимался до идеала общественной собственности на средства производства», «видел идеал справедливого общественного устройства не в „общности имущества“, а в „равенстве имуществ“». В то же время советская историография признает «общий теоретический корень как эгалитаризма, так и социализма», заключающийся в «отрицании неравенства и неприкосновенности частных имуществ»⁶.

Современная советская историография считает сведение эгалитаризма к защите интересов мелкого буржуа чересчур узким⁷. Она исходит из факта социальной нерасчлененности низов на мануфактурной фазе капитализма, когда в социальной психологии и мышлении мелкой буржуазии и пролетаризирующихся слоев имелись принципиально схожие черты. Вот почему мыслители, выступавшие в эпоху ранних буржуазных революций с эгалитарных позиций, являлись идеологами низов в целом, а не только

¹ Noyes J H History of American Socialism Philadelphia, 1870, Holloway M. Heavens on Earth Utopian Communities in America, 1680–1880. L., 1951. Показательно, что схему развития американского утопического социализма от религиозных сектантских общин принимал и социал-демократический историк начала XX в. М. Хилквит. См. Хилквит М История социализма в Соединенных Штатах СПб., 1907.

² Паррингтон В Л Основные течения в американской мысли. М., 1962–1963. Т. 1–3.

³ Hartz L Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution N Y., 1955

⁴ Jensen M The American Revolution Within America N Y., 1974.

⁵ Lynd S Intellectual Origins of American Radicalism L., 1968.

⁶ Дунаевский В А, Кучеренко Г С Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков М., 1981, с. 25

⁷ См. подробнее Алексеев Попов В С О социальных и политических идеях Жан Жака Руссо — В кн. Руссо Ж Ж Трактаты. М., 1969, с. 529

мелкой буржуазии⁸. Между эгалитаризмом и социализмом не было «китайской стены»; более того, как это показано в фундаментальном исследовании А. Р. Иоаннисяна, существовала историческая возможность перехода представителей эгалитарной мысли на позиции утопического коммунизма⁹.

В Западной Европе в эпоху ранних буржуазных революций эгалитаризм и утопический социализм развивались параллельно, как две исторические формы критики эксплуатации и социально-экономического неравенства. В США эгалитаризм выступил как первая, предшествующая собственно утопической социалистической мысли форма критики капиталистического неравенства. Он преобладал на протяжении всего мануфактурного периода развития капитализма, уступив ведущие позиции социалистической мысли с переходом к промышленному капитализму.

Расцвет эгалитарной мысли в США пришелся на последнюю треть XVIII в., которую можно определить как эпоху первой Американской революции. В предшествующий период эгалитарная мысль в США отличалась крайней «фрагментарностью» — по крайней мере, сведения о ней необычайно скудны, а Роджер Уильямс, пуританский проповедник XVII в., выступает в качестве единственного выразителя интересов низов, высказывания которого в пользу экономического равенства носили более или менее определенный характер¹⁰. Не будет преувеличением сказать, что оформление эгалитарной мысли в США совершается именно в эпоху Американской революции. При этом ее интенсивное развитие происходит на двух уровнях: эгалитаризм выступает как важная черта массового сознания, находит отражение в стихийных выступлениях угнетенных низов, а вид оформленной доктрины приобретает в воззрениях идеологов демократического лагеря. Каждый из этих уровней (первый определим как социально-психологический, а второй — как идеологический) заслуживает пристального внимания. Особый интерес представляет их взаимодействие, раскрывающее конкретно-исторический процесс формирования эгалитарной мысли¹¹.

⁸ Показательна характеристика лидера европейского эгалитаризма Ж.-Ж. Руссо, принадлежащая перу А. З. Манфреда. Он отмечал, что «способность расслышать и воспринять не высказанные вслух, не выраженные словами самые глубокие и жизненные жалобы и требования народа позволила Руссо стать в большей мере, чем кому-либо другому, и в его общественной теории, и в его художественном творчестве выразителем пробуждающегося, поднимающегося на борьбу народа» (*Манфред А. З. Жан-Жак Руссо — провозвестник революции.* — *Вопр. истории*, 1964, № 1, с. 109, 113).

⁹ *Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции*, М., 1966.

¹⁰ Развитие эгалитарных идей в США в колониальный период еще ждет своего исследования; из-за отсутствия такового наши суждения о них носят в определенной мере гипотетический характер.

¹¹ В монографии «Идейные течения в американской революции XVIII века» (М., 1980) мне удалось охарактеризовать только эгалитарные воззрения просветителей-демократов. Их место в процессе формирования эгалитар-

Тот факт, что оформление эгалитарной мысли пришлось на революционный период, не вызывает удивления: революционная эпоха означает крайнее обострение всех общественных противоречий, с одной стороны, и мобилизацию духовных сил нации и всех классов и социальных групп в целях их преодоления, с другой. Социальные противоречия, обнаженные революцией, получили живой отклик в сознании народных масс и воззрениях демократов.

Классовые противоречия в Северной Америке являлись продуктом разных, но зачастую переплетающихся форм эксплуатации человека человеком. На протяжении всего колониального периода сохранялись пережитки феодальной эксплуатации на территории крупных земельных маноров Ван Кортлендов, Ван Ранселлеров, Филипсов, Ливингстонов. Их арендаторы обрабатывали мелкие участки на условиях выплаты ежегодной фиксированной ренты (квитренты), устанавливаемой безотносительно к рыночной стоимости земли, и были лишены возможности приобрести их в полную собственность. В течение полутора столетий колониальной истории поселенцам удавалось в ряде случаев добиться отмены фиксированной ренты, но тем не менее этот пережиток феодального землепользования не утратил своего значения. Более того, перед Войной за независимость, начиная со второй четверти XVIII в., в ряде провинций — Нью-Йорке, Северной и Южной Каролине, Мэрилэнде, Пенсильвании и Виргинии — наблюдается стремление лендлордов возрождать квитренту и строго взysкивать ее¹².

В американской консервативной и либеральной историографии утвердилась та точка зрения, что фиксированная рента не являлась реальным препятствием для развития в колониальный период системы мелкой буржуазной (фермерской) земельной собственности, поскольку где сельская беднота могла в любой момент переселиться на свободные западные земли и приобщиться к счастливому классу мелких землевладельцев. Марксистские и прогрессивные буржуазные историки, однако, накопили огромное количество свидетельств, доказывающих, что на Запад уходила меньшая часть бедноты, а большая часть вела отчаянные классовые сражения с лендлордами восточных штатов за право приобретения обрабатываемых участков в полную собственность¹³. При этом по мере приближения революции классовые

ной мысли не было выявлено в полной мере. А самое главное, не был проанализирован сам этот процесс, который как раз и является предметом исследования данной статьи.

¹² *Куропятник Г. П. Феодальная рента в североамериканских колониях Англии.* — В кн.: *Американский ежегодник*, 1974. М., 1975, с. 10—16.

¹³ *Аптекер Г. Американская революция, 1763—1783.* М., 1962; *Куропятник Г. П. Борьба за землю в колониальный период истории США.* — *Вопр. истории*, 1974, № 8; *Он же.* Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне Войны за независимость США. — Там же, 1976, № 8; *Фурсенко А. А. Американская революция и образование США.* Л., 1978; *Adams J. T. Provincial Society, 1690—1763.* N. Y., 1927; *Abernethy*

выступления бедноты усиливались. Во-первых, после Семилетней войны (1756—1763 гг) Англия приняла законы, запрещавшие американцам приобретать земли за Аппалачскими горами, и резко ограничила фонд свободных земель провинций. Во-вторых, переселение и ведение хозяйства на свободных землях было сопряжено (по мере их естественного со временем удаления от рынка, основных торговых путей, в силу примитивного состояния транспортных средств и т. д.) со все большими материальными расходами, оказывавшимися не по плечу основной части американских низов. Они предпочитали разрешение аграрной проблемы иным способом — на основе «незаконного» захвата земель лендлордов, вооруженной борьбы против богатеев (центром которой стал Нью-Йорк) и конфискации и перераспределения земельной собственности в восточных штатах в годы революции.

Сельская беднота, переселившаяся на свободные земли и освобождавшаяся от феодального гнета, сталкивалась уже с другой — капиталистической — эксплуатацией. В подавляющем большинстве случаев мелкие фермеры попадали в долговую кабалу к ростовщикам восточных городов, облагались, в дополнение к этому бремени, явно несправедливыми и крайне тяжелыми налогами и, подобно арендаторам приатлантических графств, должны были прибегать к вооруженной борьбе для защиты своих интересов. Восстания «регуляторов» в Северной и Южной Каролине в 60—70-х годах — самый яркий образец классовой борьбы мелкого фермерства.

Острая аграрная проблема и классовая борьба арендаторов и мелких фермеров и явились, в первую очередь, питательной почвой для развития эгалитарных настроений в колониальный период и революционную эпоху. Дополнительным их источником было усиливающееся социально экономическое неравенство среди городского населения, углубляющаяся пропасть между рабочими, ремесленниками, матросами, с одной стороны, и купцами, ростовщиками, судовладельцами, с другой. Классовое расслоение в провинциальных городах можно проиллюстрировать следующими данными: в Бостоне и Филадельфии доля богатств, принадлежащих 5% зажиточных налогоплательщиков, увеличилась с конца XVII в по 70-е годы XVIII в соответственно с 30 и 33% до 49 и 55%, а доля, принадлежащая 50% малоимущих налогоплательщиков сократилась за этот же период в Бостоне с 9 до 5%, а в Филадельфии с 10 до 3,3%¹⁴. Усиление социальных контрастов, неравенство в распределении собственности порождало

протест в широких массах, заключавший в себе ту или иную степень, ту или иную форму эгалитарных устремлений.

Самое их простое, «луддитское», выражение означало учащающиеся попытки физического покушения на собственность богатеев. Они были вызваны борьбой против незаконных поборов («налогообложения без представительства») со стороны колониальных властей. Уже после первых выступлений рядовых патриотов прозорливый лоялист Р. Р. Ливингстон предупредил, что борьба низов будет сопровождаться «разрушениями закона, порядка, правительства в провинциях и расправой со всеми владельцами собственности»¹⁵. После того как неимущие патриоты Филадельфии совершили нападение на дом одного из видных умеренных лидеров антиколониального движения Дж. Вильсона, человек его круга, Г. Моррис, констатировал, что гнев «толпы» меняет направление и грозит обрушиться уже «не на головы наших врагов, а, возможно, на наши собственные»¹⁶.

Усилению эгалитарных настроений в поведении, социальной психологии и мышлении низов в немалой степени способствовали массовые конфискации земель лоялистов в период революции и их распределение относительно мелкими участками. Так, поместье Де Ланси было распродано 275, а Роджера Морриса — 250 патриотам¹⁷. Всего в период революции были конфискованы земли 30 тыс. лоялистов. Конфискация и распродажа недвижимости лоялистов подрывала в массах веру в неприкосновенность частной собственности.

Своеобразным показателем усиления эгалитарных настроений в революционный период явилось укоренение в политическом словаре умеренных патриотов определения «левеллеровский» применительно к устремлениям низов (в это понятие включались уравнивательские устремления именно в отношении собственности, а не политических прав). Еще в июне 1775 г. массачусетская провинциальная ассамблея в послании Континентальному конгрессу выражала тревогу в связи «с утратой среди части народа чувства святости частной собственности». Годом позже один из лидеров умеренных патриотов Дж. Уоррен высказывал в письме к Дж. Адамсу опасение по поводу «последствий левеллеровского духа, поощряемого до такой степени и достигшего такой глубины, как сейчас». Дж. Адамс в ответ соглашался, что «левеллеровский дух, как и стремление к нововведениям, достигает высшей точки»¹⁸.

Тревога за судьбы частной собственности со стороны верхов достигла апогея под воздействием восстания Д. Шейса (1786—1787 гг.). Дж. Мэдисон считал, что в намерения восставших вло-

The P. Western Lands and the American Revolution N Y 1937, *Main J. T. The Social Structure of Revolutionary America* Princeton 1965, *Nash G. B. Class and Society in Early America* N Y, 1970, *Kay M. L. The North Carolina Regulation 1766—1776. A Class Conflict* — In *The American Revolution Explorations in the History of American Radicalism* DeKalb 1976, p 73—83

¹⁴ *Nash G. B. Social Change and the Growth of Prerevolutionary Urban Radicalism* — In *The American Revolution*, p 7

¹⁵ *Jensen M. Op cit* p 22

¹⁶ *Letters of Members of Continental Congress* Vol. 1—8/Ed. by E. C. Burnett Gloucester (Mass.), 1963 vol 4, p 232, 238

¹⁷ *Jameson J. American Revolution Considered as a Social Movement* Princeton 1926, p 35

¹⁸ *Jensen M. Op cit* p 77.

дит «уничтожение общественных и частных долгов и перераспределение собственности», бил в набат по поводу устрашающих «симптомов левеллеровских настроений»¹⁹. Военный министр Г. Нокс, непосредственно руководивший подавлением восстания Д. Шейса, утверждал, что оно направлено ни много, ни мало на обобществление частной собственности; кредо «бунтовщиков», доносил он Дж. Вашингтону, заключается в том, что «собственность Соединенных Штатов была защищена от посягательств со стороны Великобритании совместными усилиями и, следовательно, должна оставаться общей собственностью всех». Нокс и другой революционный генерал Б. Линкольн доказывали, что восставшие требовали введения «аграрного закона», означавшего абсолютно равное распределение земли²⁰.

Представители верхов явно преувеличивали радикализм эгалитарных устремлений низов. В действительности, восставшие были далеки от требований всеобщего перераспределения собственности и введения «аграрного закона»; их программа, как и идеология демократического крыла революции в целом, не выходила за рамки умеренного эгалитаризма и включала типичные для стихийных народных выступлений требования свободного выпуска бумажных денег, переложения тяжести палогового бремени на богатых, отсрочки и облегчения выплаты долгов, т. е. известной регламентации неравенства и ограничения эксплуатации²¹. И все же в этих обвинениях верхов была своя логика: буржуазия начала борьбу против английского колониального гнета под знаменем экономического либерализма, абсолютной неприкосновенности частной собственности, ничем не ограниченного права ее накопления и поэтому рассматривала любую попытку регламентации богатств как преступление, проявление разрушительного левеллеровского духа. Конечно, было бы ошибкой принимать обвинения американских верхов революционного периода в адрес низов за «чистую монету», но считать их простой нелепостью значило бы поступиться принципом историзма, недооценить эгалитарных устремлений низов.

При анализе эгалитарных тенденций в политической практике и идеологии Американской революции уместно вспомнить о классификации эгалитаризма, данной В. П. Волгиным. Применительно к Франции XVIII в. В. П. Волгин разделял мелкобуржуазных уравнилелей на два течения. «Наиболее радикальные среди них требуют всеобщего передела земли, мелких неотчуждаемых паделов, более умеренные довольствуются законами против роскоши, регламентацией наследования и т. п.»²² Опреде-

ление В. П. Волгина свидетельствует о широком диапазоне эгалитаризма XVIII в., дает основу для типологизации эгалитарной мысли в той или иной стране, предостерегает от недооценки недостаточно радикальных по меркам XX в. требований народных масс переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Чаще других в платформах массовых движений революционной эпохи встречалось требование неограниченного выпуска бумажных денег и их принятия к оплате по нарицательной стоимости²³. Лозунг «дешевых денег» являлся лейтмотивом экономических требований владельцев мелкотоварных и нетоварных фермерских хозяйств, городских низов, долги которых в годы войны росли как снежный ком. Выгода все расширявшейся эмиссии бумажных денег и вытекавшей из нее инфляции для сельских и городских должников заключалась в том, что при каждом новом выпуске в обращение бумажных денег, которые, согласно доктрине «дешевых денег», принимались к оплате по нарицательной стоимости, они могли погасить задолженность при помощи обесцененной, или «нечестной» по словам кредиторов, валюты.

Требование «дешевых денег», которое сегодня кажется весьма умеренным и второстепенным, вызывало в XVIII в. настоящую панику среди денежных тузов Америки. Верхи видели в нем чудовищное орудие перераспределения богатств в пользу бедняков, уменьшавшее их кошелек пропорционально падению золотого и серебряного содержания денежных знаков. А когда в конце революции в 7 из 13 штатов Америки были приняты законы о свободном выпуске бумажных денег и принятии их кредиторами по нарицательной стоимости, буржуазно-плантаторские верхи расценили это как восстание против собственности²⁴. Среди них усилились термидорианские устремления, приведшие в конечном

¹⁹ The Writings of James Madison Vol 1—9. N. Y., 1900—1910, vol 2, p 316—320, 322

²⁰ Szatmary D. P. Shay's Rebellion. The Making of an Agrarian Insurrection. Amherst, 1980

²¹ Ibid., Шпотов Б. М. Фермерское движение в США, 1780—1790-е годы М., 1982

²² Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958, с. 206

²³ Типичной для мелкобуржуазных движений и фракций революционного периода является точка зрения изложенная в петиции жителей Виргинского графства Вашингтон законодателям штата «Ни одна мера не представляется нам более правильной, чем выпуск хорошо обеспеченных бумажных денег. Мы также считаем, что разумная и справедливая политика должна заключаться в том, чтобы бумажные деньги пользовались полным доверием легислатуры и чтобы они были сделаны легальным платежным средством наравне с золотом и серебром». В качестве панацеи от экономических неурядиц выступали «дешевые» деньги и в петиции жителей одного из внутренних районов Массачусетса — штата, который явится плацдармом самого мощного народного выступления революционного периода, восстания под предводительством Д. Шейса. «Денег у нас нет,— говорилось в петиции,— наше имущество ежедневно объявляется к продаже и продается, как описано выше, что можете потучить вы от нас, почтенные господа, пока бумажные деньги или какое другое средство обращения не будет обеспечено так, чтобы мы могли оплатить наши налоги и долги. Мы поэтому искренне просим почтенных господ принять бумажные деньги в обращение или каким либо другим способом облегчить участь ваших просителей» (Шпотов Б. М. Фермерское движение в США с 41 53—54)

²⁴ Szatmary P. Op cit p 37—76

итоге к пересмотру государственно-правового устройства США и принятию умеренной федеральной конституции.

Одним из самых популярных требований ограничения накопления чрезмерных богатств в руках меньшинства и облегчения положения малоимущих слоев в платформе низов являлось пропорционное налогообложение. В канун революции более 250 «регуляторов» в графстве Ансон, расположенном на западе Северной Каролины, подписались под петицией, призывавшей ввести налоги «пропорционально доходам, извлекаемым из недвижимости». Несколько позже избиратели графств Оридж и Роэн этой же провинции потребовали от депутатов конституционного конвента ввести пропорциональное налогообложение, особенно подчеркивая необходимость обложения дополнительным налогом «живой» собственности рабовладельцев²⁵. Эту меру решительно поддерживал известный виргинский демократ Р. Г. Лп. Укоренившаяся в штатах практика одинакового обложения налогами разных социальных слоев, отмечал он в письме к Дж. Мэйсону в 1779 г., служит дополнительным источником неравенства в распределении богатств страны, она на руку «спекулянтам, монополистам» — и в то же время «губительна для огромного числа честных тружеников»²⁶.

Для исследования формирования эгалитарной мысли в США особенно ценны свидетельства, содержащие прямую критику неравенства во владении собственностью и требования перераспределения богатств. Анализ показывает, что такая критика приобрела все более радикальную окраску и открытый характер по мере развития революции. Для сравнения возьмем публичные высказывания против неравенства во владении собственностью в предреволюционный, революционный и послереволюционный периоды.

В самом раннем среди известных эгалитаристских суждений предреволюционного периода, появившемся в 1765 г. в «Нью-Йорк газетт», анонимный автор возмущался роскошью и расточительностью жизни верхов, на том основании, что их «богатства часто имели следствием обнищание соседей»²⁷. В 1766 г. один из предводителей скваттеров У. Прендергаст протестовал на суде против угнетения богатыми бедняков, объявлял, что люди наделены «равными правами», усматривал крайнюю несправедливость в том, что беднякам «не было позволено иметь никакой собственности»²⁸. В 1768 г. анонимный автор в «Бостон газетт» заявлял, что «свобода, источник и основа всякой подлинной собственности, не может быть сохранена, пока между членами общества не существует равенства в владении ею»²⁹.

²⁵ Kay M. Op cit, p. 95

²⁶ The Letters of Richard Henry Lee: Vol 1, 2. N Y, 1970 vol 2 p. 65

²⁷ Friedman B. The Shaping of the Radical Consciousness in Provincial New York — Journal of American History, 1970, vol. 5/6, p. 794

²⁸ Land Cases in Colonial New York, 1765—1767 — New York University Law Quarterly Review, 1942, vol. 9, p. 175, 191.

²⁹ Jensen M. Op cit, p. 74

В 1776 г. в Массачусетсе прозвучал протест против «накопления богатства и монополизации должностей меньшинством, следствием чего является рост влияния и опасное разрастание власти в их руках»³⁰. Но самым замечательным эгалитарным документом 1776 г. стал проект билля прав, предложенный 27 июля конституционному конвенту Пенсильвании Джеймсом Кэннаном, Тимоти Мэтлаком и Давидом Риттенхаузом. Один из пунктов гласил: «Сосредоточение огромных богатств в руках отдельных индивидуумов опасно для прав и разрушительно для общего счастья человечества; исходя из этого каждое свободное государство имеет право препятствовать накоплению такого количества собственности»³¹. (Этот пункт в конечном итоге был отвергнут конвентом)

Эгалитарные требования приобрели наибольшую остроту в послевоенный период, когда народные массы попытались углубить революцию, в первую очередь в социально-экономической сфере. В 1784—1785 гг. конвент Кентукки, западной части Виргинии, пожелавшей выделиться в самостоятельный штат, принял эгалитарную по своему духу резолюцию. В ней говорилось, что предоставление кому-либо земли сверх надела, который индивидуум в состоянии обработать сам или при помощи своей семьи, есть зло. Сосредоточение больших земельных владений в одних руках создавало, по мнению авторов резолюции, угрозу «фундаментальным принципам свободного республиканского правительства»³². В 1786 г. вооруженная толпа из 400 человек, осадившая законодательное собрание в Нью-Гэмпшире, потребовала, согласно одному из свидетельств, «равного распределения собственности». В том же году конвент избирательных округов графства Провиденс предложил передать собственность купцов в распоряжение правительства. В 1787 г. одна из газет Род-Айленда сообщила, что в законодательное собрание штата внесен билль, предлагающий периодическое перераспределение собственности между соотечественниками. Примерно в это же время один из членов законодательной ассамблеи в Коннектикуте выступил с утверждением, что «хорошее правление неосуществимо без определенного равенства между людьми во владении собственностью»³³.

В Американской революции в отличие от Великой французской революции XVIII в. не получили развития эгалитарные движения типа «бешеных» и эбертистов. Но в одном из штатов — Пенсильвании — действовала политическая партия конституционалисты, в платформе которой прослеживаются эгалитарные

³⁰ Jameson J. Op cit, p. 47.

³¹ Douglass E. P. Rebels and Democrats: The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule During the American Revolution Chapel Hill, 1955 p. 266

³² Abernethy Th. P. Western Lands and the American Revolution 2nd ed. N. Y., 1959, p. 305

³³ Jameson J. Op cit, p. 81—84.

начала. Более того, конституционалисты, обязанные своим названием защите конституции штата 1776 г., самой передовой в период революции, удерживали контроль над законодательным собранием штата на протяжении 12 лет, вплоть до 1788 г. Это, несомненно, является крупнейшим политическим достижением демократического крыла патриотического лагеря.

Социальную опору конституционалистов составили в основном малоимущие аграрные слои западных графств штата. По многим вопросам их поддерживали и городские низы. Эгалитарные устремления конституционалистов впервые получили выражение в проекте билля прав штата, о котором уже шла речь. Ряд радикальных принципов конституционалистов получил воплощение в основном законе штата.

Один из них заключался в требовании создания законодательного собрания из одной палаты, что обеспечивало общее и равное представительство всех избирателей независимо от имущественного положения. Политический соперник конституционалистов, партия республиканцев, напротив, подобно всем представителям умеренного крыла патриотов, исходила из необходимости раздельного представительства наиболее зажиточных слоев и малоимущего большинства в законодательном органе власти, для чего и должны были быть созданы две палаты. При этом верхней палате, сенату, защищавшему интересы имущей элиты, по замыслу республиканцев, должен был быть вверен контроль над деятельностью нижней палаты. Однопалатная законодательная власть, созданная в Пенсильвании, критиковалась ими на протяжении всей революции как воплощение порочной доктрины «чистой демократии».

Наиболее последовательным защитником однопалатной законодательной ассамблеи выступал Бенджамин Франклин, который был президентом конвента, принявшего основной закон штата. (По мнению авторитетного исследователя пенсильванской конституции Дж. П. Селзама, роль идейного вождя пенсильванских демократов в формировании некоторых важнейших частей основного закона штата оказалась решающей³⁴.) Критикуя двухпалатную законодательную власть, или «смешанное правление», как тогда говорили, просветитель-демократ обращался к своей излюбленной манере иносказательных сравнений. Организация законодательной ассамблеи из двух палат, говорил Франклин, равнозначна намерению «впрячь в один экипаж с разных концов двух лошадей и погонять обеих нещадно кнутом»³⁵.

Классовая сущность «смешанного правления» была в полной мере раскрыта Франклином в конце 80-х годов, когда республиканцы предприняли отчаянные наступления на однопалатную за-

конодательную власть, требуя дополнить ее сенатом, предназначенным единственно для защиты собственности. Платформе республиканской партии Франклин противопоставил основополагающее положение конституционалистов, а равно и всех американских демократов, об одинаковых политических правах граждан независимо от их имущественного положения. «На каком основании,— возмущался идейный вождь пенсильванских конституционалистов,— право контроля вопреки духу и принципам демократии должно быть вверено меньшинству, а не большинству? И почему верхняя палата, избираемая меньшинством, должна делить власть с палатой, получившей мандат от большинства? Неужели кто-то полагает, что мудрость является неотъемлемым свойством только богатства?»³⁶. Авторитет Франклина в немалой степени способствовал тому, что конституционалистам вплоть до конца 80-х годов XVIII в. удавалось успешно противостоять натиску республиканцев на однопалатную законодательную власть, или «чистую демократию».

Пенсильванские конституционалисты, как и все американские демократы, выступали за подчинение исполнительной власти законодательной и замену формулы единоличной исполнительной власти принципом коллегиального правления. Этот пункт их платформы также получил воплощение в конституции 1776 г., которая создавала исполнительный совет из 12 человек. Должность губернатора отменялась, президент совета не имел никаких преимуществ в сравнении с другими 11 его членами и был только «первым среди равных». Исполнительный совет избирался законодательной палатой и являлся послушным проводником воли ассамблеи. Пенсильванским конституционалистам удалось также добиться демократизации избирательного права в штате: конституция наделяла им всех мужчин-налогоплательщиков. Все это обеспечило партии широкую поддержку со стороны мелкой буржуазии.

Конституционалисты были мелкобуржуазной партией, искавшей поддержку прежде всего у аграрных слоев — неимущих, малоимущих и среднезажиточных фермеров. Такая социальная ориентация партии объяснялась тем, что Пенсильвания, так же как и другие североамериканские провинции, оставалась глубоко аграрным штатом — ее сельское население, как и повсюду в США, составляло не менее 90% общего числа жителей. Партия отстаивала аграрный, или, как принято называть его по имени наиболее известного выразителя доктрины, джефферсоновский путь развития нации. Конституционалисты были противниками строительства в штате дорог, создания банка, развития мануфактур.

Их экономическая платформа вызывала особенно резкую оппозицию со стороны денежных воротил штата, сосредоточивших

³⁴ *Selsam J. P. The Pennsylvania Constitution of 1776. Philadelphia, 1936, p. 187.*

³⁵ *Conner P. W. Poor Richard's Politics: Benjamin Franklin and his New American Order. L., 1969, p. 58.*

³⁶ *The Writings of Benjamin Franklin: Vol. 1—10/Ed. by A. N. Smyth. N. Y.: L., 1905—1907, vol. 10, p. 58—59.*

в своих руках вместе с нью-йоркскими финансистами львиную долю долговых обязательств конфедерации и не желавших, чтобы сколоченные в годы войны капиталы оседали мертвым грузом в семейных сундуках. Финансовой элите штата, возглавляемой Р. Моррисом, удалось в конечном счете добиться создания в Филадельфии банка Северной Америки. Пенсильванские конституционалисты с самого начала подвергли детище Р. Морриса острой критике, усматривая в нем опасное средство концентрации денежных богатств в руках немногих. У. Финдлей, выражая типичную для конституционалистов точку зрения, требовал распределения денежных капиталов между многими акционерными компаниями, исходя из того, что «равное рассредоточение знаков богатства (акций.— В. С.) способствует утверждению равенства интересов, одинаковых нравов и устремлений»³⁷.

Конституционалисты приложили немало усилий для облегчения простому люду доступа к свободным землям. Подобно Т. Джефферсону, они мечтали, чтобы США развивались как республика мелких и средних независимых земледельцев. Широкую известность в штате получил аграрный проект Р. Уайтхилла, предполагавший распродажу западных земель на условиях, доступных для малоимущих и непьющих слоев³⁸.

Эгалитарные принципы в платформе конституционалистов были выражены более определенно, чем в требованиях стихийных народных выступлений. Очень важно и то, что эгалитаризм впервые в американской истории выступил в качестве кредо политической группировки. Конституционалисты внесли важный вклад в формирование эгалитарной доктрины в США. Завершающим же «звеном» в развитии эгалитаризма от политической практики к идеологической доктрине являлось теоретическое обоснование мелкобуржуазного уравниательства. Решающим здесь оказался, на наш взгляд, вклад американских просветителей-демократов — Джефферсона, Пейна, Франклина. Отметим, что среди советских исследователей по этому вопросу была высказана и иная точка зрения. А. М. Каримский доказывал, что «оппозиция социальных низов... обращалась и к теоретическим формам борьбы, что говорит об успешном освоении (низам.— В. С.) естественноправовых идей и умении их радикализировать», и что «попытки законодательно предотвратить концентрацию собственности исходили от демократических низов, а не от Просвещения»³⁹. На наш взгляд, эта точка зрения уязвима и в теоретическом, и в конкретно-историческом плане.

Данный выше анализ эгалитарных требований, возникавших в ходе стихийных выступлений народных низов США (а мы пытались привлечь их с максимальной полнотой), показывает, что они

³⁷ Wood G. S. The Creation of the American Republic, 1776—1787. Williamsburg, 1969, p. 401.

³⁸ Main J. T. Political Parties before the Constitution. Chapel Hill, 1973, p. 137.

³⁹ Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976, с. 253.

в большинстве случаев отличались краткостью, часто были расплывчаты и не опирались на какие-либо теоретические обоснования. Это отражает общий характер стихийной классовой борьбы народных низов в эксплуататорских обществах. В. И. Ленин применительно к стихийной классовой борьбе пролетариата отмечал, что «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движений вырабатываемой идеологии не может быть и речи...»⁴⁰. Неспособность к выработке теоретической формы и системы сознания характерна не только для стихийного рабочего движения, но присуща и стихийным движениям низов — крестьянства и городского плебса в рассматриваемую нами эпоху перехода от феодализма к капитализму. Академик Л. В. Черепнин в статье о крестьянских войнах в России XVII—XVIII вв. подчеркивал, что крестьяне в ходе войн не выработали и не могли выработать идеологической формы выражения своих классовых интересов: «Идеология — это теоретически обоснованная система взглядов, идей, выражающих интересы класса и направляющих его борьбу, обе эти категории неприменимы к крестьянским войнам»⁴¹. Не выдвинули теоретического обоснования своих устремлений и низы эпохи Американской революции. Оно получило воплощение в воззрениях просветителей-демократов США, выступавших, в отличие от западноевропейских просветителей, и политическими деятелями революционной эпохи.

Т. Джефферсон, Б. Франклин и Т. Пейн подвели под эгалитарные требования теоретическую основу в виде естественноправового учения⁴². Особенностью естественноправовых воззрений демократов США, выделявшей их среди типичных буржуазных просветителей, было то, что они не находили в изначальном общественном состоянии места источнику имущественного разделения людей — частной собственности. Конечно, подобную трактовку «естественных прав» человека и естественноправового равенства нельзя назвать оригинальной: представители левого крыла западноевропейского Просвещения — от Мабли до Руссо — обосновали ее задолго до Джефферсона, Пейна и Франклина. В американской буржуазной историографии долгое время считалось, что подход просветителей США к естественноправовому равенству оформился именно под влиянием Руссо. Однако убедительных конкретных доказательств, подтверждающих эту точку зрения, не нашлось. Консервативная историография США сделала

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.

⁴¹ Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России периода феодализма.— Коммунист, 1973, № 13, с. 15.

⁴² Анализ естественноправового учения как теоретической основы Просвещения неоднократно давался советскими исследователями. Здесь отметим только, что среди самих просветителей произошло размежевание в трактовке естественноправового равенства: умеренное крыло использовало апелляцию к «естественным» и «неотчуждаемым» правам человека для критики феодально сословных различий, а представители левого крыла расширили диапазон критики до отрицания имущественных различий, а в ряде случаев и самой частной собственности.

из этого вывод: дух Руссо и эгалитаризма был чужд США, а американское Просвещение развивалось под воздействием либеральных локковских идей. Ее представители от К. Росситера до Б. Бейлина, однако, странным образом не приняли во внимание способности просветителей США к самостоятельной радикальной переработке локковских идей, а также возможности иных, не связанных с Руссо, западноевропейских эгалитарных влияний.

Относительно недавно один из источников такого влияния обнаружил и обстоятельно исследовал С. Линд. Таким источником оказались воззрения английских радикалов 50—70-х годов XVIII в.— Дж. Бурка, Г. Шарпа, Дж. Картрайта, трактовавших естественноправовое равенство в эгалитарном духе. Их произведения были широко распространены в революционной Америке и пользовались популярностью среди демократов⁴³. А один из наиболее ярких выразителей эгалитаризма, Т. Пейн, прибывший в Северную Америку из Англии накануне революции, олицетворял духовную связь демократов метрополии и провинций.

Английское «влияние» на просветителей-демократов США не преуменьшает, однако, и их собственной заслуги в приспособлении естественноправового учения к требованиям американских низов. На наш взгляд, нужды и устремления низов, как и способность просветителей США «услышать» голос «регуляторов», скваттеров, матросов, ремесленников и механиков, послужили не менее важным источником эгалитарных идей Джефферсона, Франклина и Пейна, чем влияние английских радикалов. Важнейшим условием оформления эгалитарной мысли на американской почве явилась социально-экономическая природа американской действительности, заключенные в ней антагонистические противоречия. Заимствованные же из Западной Европы постулаты Просвещения придали эгалитаризму в США универсальную теоретическую форму.

Просветители США привели развернутые аргументы, показывающие отсутствие частной собственности в изначальном общественном состоянии⁴⁴. Они характеризовали собственность как продукт исторического развития, санкционированный публичной властью. Отсюда выводилось право государства регламентировать крайности ее развития. Положение о том, что собственность долгое время могла существовать и существовала как общественная собственность, подкреплялось в работах американских просветителей не только рассуждениями, типичными для их европейских единомышленников, но и их собственными наблюдениями над социальным укладом индейских племен. Сожалея о распространении частной собственности, крахе равенства, разделении людей на бедных и богатых, росте нищеты, просветители США вместе с тем считали исчезновение «естественного состояния» процессом необратимым и связывали устранение социальных кон-

⁴³ Lynd S. Op. cit., p. 69—88.

⁴⁴ Их анализ был дан мною в книге «Идейные течения в американской революции XVIII века» (с. 129—134).

трастов, сопровождающих развитие частной собственности, с политикой государственного регулирования ее свободного развития.

Просветители США не удовлетворялись одними теоретическими рассуждениями, а активно разрабатывали конкретные законодательные меры, направленные на уничтожение крайностей неравенства. При этом американские просветители активно боролись за претворение эгалитарных программ в жизнь.

Наиболее приближенными к специфическим условиям США были эгалитарные проекты Т. Джефферсона. Наличие огромного фонда неосвоенных западных земель представляло, на его взгляд, прекрасную возможность для того, чтобы сделать владение землей правом каждого гражданина США. Если в памфлете 1774 г. «Общий обзор прав Британской Америки» Джефферсон декларировал равное право всех американцев, независимо от их имущественного положения, на присвоение свободных земель, то в проекте виргинской конституции 1776 г. он закрепляет это право исключительно за неимущими и малоимущими гражданами. Согласно проекту, все незанятые земли должны быть обращены в общественное достояние и использоваться единственно с целью предоставления участка в 50 акров каждому, кто не обладал таким количеством земли⁴⁵. Свободные земли, таким образом, перестают быть объектом купли-продажи, доступ к ним закрытых слоев, в том числе и плантаторов-рабовладельцев, прекращается. Так оформилась демократическая идея Джефферсона о развитии присоединяемых к 13 североамериканским штатам новых территорий исключительно как сообществ мелких самостоятельных фермеров. Просветитель-демократ выступил выразителем интересов малоимущих и неимущих американцев, дал идеологическое определение их целей.

Иной характер носили эгалитарные планы Т. Пейна. Характеризуя их, мы вновь должны возразить А. М. Каримскому, утверждавшему, что среди просветителей «лишь Пейн попытался разработать проект уравнительного пользования собственностью» и требовал «ввести уравнительное землепользование»⁴⁶. Подобное заключение делает Пейна единственным радикальным эгалитаристом в США, каковым он в действительности не был. Отношение Пейна к идее перераспределения сложившейся собственности было отрицательным. Так, в период Великой французской революции он решительно осудил движение за аграрный закон, нацеленное на введение уравнительного землепользования. В период Американской революции он в отличие от Джефферсона не проявил активного интереса к аграрной проблеме и не выдвинул идеи о предоставлении каждому неимущему за счет общества минимума земельной собственности.

Это объяснялось тем, что Пейн не поддерживал концепции аграрного пути развития США. Кроме того, он впервые серьез-

⁴⁵ The Papers of Thomas Jefferson: Vol. 1—19. Princeton, 1950—1974, vol. 1, p. 362, 492.

⁴⁶ Каримский А. М. Указ. соч., с. 221, 251.

но задумался над способами ликвидации несправедливостей, вытекающих из неравного распределения собственности, уже после Американской революции, во время пребывания в Англии, где в отличие от США незанятых территорий вообще не было и где агитация в пользу наделения землей неимущих означала прямое покушение на владения латифундистов. Пейну такое посягательство на институт частной собственности казалось чересчур радикальным. Но, придерживаясь все же той точки зрения, что в «естественном состоянии» все люди располагали равным правом на землю, он требовал денежной компенсации для индивидуумов, лишившихся в ходе исторического развития этого права. Проект, выдвинутый им в трактате «Аграрная справедливость», предполагал создание национального денежного фонда за счет налогообложения латифундистов — из него каждому безземельному англичанину старше 21 года выплачивалась бы сумма в 15 ф. ст., а всем жителям страны, достигшим 50 лет, выдавалась ежегодно рента в 10 ф. ст.⁴⁷

Экономические и аграрные воззрения Б. Франклина более созвучны идеям Джефферсона. Его эгалитарные устремления нашли отражение прежде всего в эссе, адресованных европейцам, желающим переселиться в Новый Свет. В них он грезит об Америке, превращающейся в «страну труда», где в отличие от Европы нет бедняков и богачей, где «большинство людей обрабатывают собственные земельные участки»⁴⁸. Эгалитаризм Франклина носил умеренный характер. Подобно Джефферсону и Пейну, он был против введения полного экономического равенства, считая его несправедливым по отношению к самым бережливым и трудолюбивым. В целом эгалитарные идеи просветителей США созвучны воззрениям умеренных европейских эгалитаристов, особенно французов Руссо и Бриссо⁴⁹. Подобно им, американские демократы были противниками «аграрного закона», означавшего всеобщее перераспределение уже сложившейся частной собственности на уравнительных началах. Умеренный эгалитаризм американских просветителей отразил специфику экономического развития в США: в стране существовало огромное количество свободных земель и, чтобы предоставить наделы неимущим, не обязательно было покушаться на сложившуюся частную собственность.

Оформление эгалитарной идейной доктрины в США явилось, таким образом, результатом диалектического взаимодействия двух факторов — массового протеста сельской и городской бед-

ноты против сосредоточения богатств страны в руках буржуазно-плантаторских верхов и прогрессирующего обнищания низов, во-первых, и теоретических усилий просветителей-демократов США, мобилиовавших для обоснования уравнительных лозунгов передовую философскую мысль Века Разума, во-вторых. Недооценка, как и переоценка, одного из этих факторов в ущерб другому искажает реальную картину генезиса эгалитарной мысли.

Укрепление уравнительных настроений в социальной психологии и в том, что сегодня называют менталите (т. е. мироощущение, мировидение) народных масс, создало прочный фундамент для оформления эгалитарной идейной традиции. Народные массы отнюдь не были послушным орудием в руках буржуазно-плантаторского руководства Американской революции, каким их изображали и изображают буржуазные историки США, а напротив, начинали подходить к осознанию своих классовых интересов, их отличия от интересов эксплуататоров. Было бы, однако, упрощением, характерным для современных леворадикальных историков США, видеть в этих лозунгах некую «народную идеологию»⁵⁰, коренным образом отличающуюся от буржуазного мировоззрения и представляющую собой цельный и оформленный идейный феномен. Социальная психология и менталите народных низов не включали в себя теоретического осмысления и обоснования эгалитарных устремлений, без чего они не могли приобрести форму идеологии.

Задача формулирования эгалитарной теории была выполнена просветителями-демократами США. В этом вопросе мы вновь должны возразить леворадикальным историкам США, в работах которых вывод об идеологической самостоятельности народных масс в Американской революции соседствует с припущением и даже отрицанием роли Просвещения в выработке передовой демократической мысли. Среди современных радикальных историков стало модным ниспровергать с демократического пьедестала просветителей, особенно Т. Джефферсона: программными в этом смысле стали статьи Дж. Леминга 1960-х годов, в которых утверждалось, что Томас Джефферсон не мог быть идеологом низов общества и что низы в Американской революции XVIII в. «имели свои идеи, а пожалуй, и то, что может быть названо идеологией»⁵¹. Подобный подход свидетельствует и об отсутствии у радикальных авторов верных представлений о «механизме» формирования идеологии, и о преувеличивании ими роли стихийных выступлений народных масс и антиисторизме в оценке роли Просвещения, особенно его демократического крыла, и его взаимосвязей с интересами низов.

⁴⁷ Пейн Т. Избр. соч. М., 1959, с. 384.

⁴⁸ The Writings of Benjamin Franklin, vol. 8, p. 604.

⁴⁹ О взглядах по этим вопросам Руссо и Бриссо см.: Волгин В. П. Указ. соч., с. 222—226, 252—255. В период Великой французской революции под знаменем умеренного эгалитаризма выступали Марат, Робеспьер, Сен-Жюст, лидеры «бешеных», агитировавшие за «устранение крайнего общественного неравенства, хотя и считавшие полное равенство имуществом неосуществимой химерой» (Иоаннисян А. Р. Указ. соч., с. 11).

⁵⁰ The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism, p. 6.

⁵¹ Цит. по: Шпотова В. М. «Новые левые» историки о классовой борьбе в период Войны США за независимость.— Вопр. истории, 1974, № 2, с. 179.

Конечно, позиции народных масс и просветителей в классовой борьбе не были тождественны. Народные массы проявляли гораздо большую революционную инициативу, обнаруживали готовность к радикальным политическим действиям, к использованию насильственных методов в борьбе за свои цели; просветители же были противниками насилия, грезили о мирном пути утверждения «царства разума». Однако это различие не дает оснований отрицать за Пейном, Франклином, Джефферсоном роль выразителей интересов народных масс. Американские просветители-демократы утвердились в этой роли, в первую очередь благодаря идеологическому обоснованию эгалитаризма.

Оформление эгалитарной мысли явилось одним из замечательных итогов Американской революции XVIII в. Тот факт, что это не получило отражения в буржуазной историографии США, в распоряжении которой имелся весь фактический материал, раскрывающий генезис эгалитарной идеологии, обусловлен ее методологическими и теоретическими позициями. Именно теоретико-методологическая ограниченность и предвзятость скрыли от буржуазных историков возникновение идеологического течения, ставшего в США первой исторической формой критики капиталистического неравенства и эксплуатации. Отягченная мелкобуржуазными предрассудками, другими «недостатками», обусловленными и особенностями мировоззрения ее выразителей, и неразвитостью капиталистических противоречий той эпохи, эгалитарная мысль тем не менее стала важным подготовительным этапом генезиса уже собственно антибуржуазной, социалистической идейной традиции в США.